

Газета
Центрального Комитета
КПСС

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1986

Вторник, 5 августа
№ 93 (6193)
выходит по вторникам,
четвергам и субботам.
Цена 6 коп.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЯНИЕ ХУДОЖНИКА

Харис Якупов,

народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР

— Вам обязательно надо побывать у Степановского! — таким предложением встречают доброго гостя в Альметьевске. Много лет назад услыхал я эту фамилию, много лет и знаком с Геннадием Алексеевичем. Долгое время он преподавал в местной художественной школе, директорствовал в художественном музее. Ходить в Степановскую — значит побывать в местной картинной галерее, целиком и полностью созданной на общественных началах, во имя интересов Г. Степановского.

Еще в бытность свою преподавателем начал он собирать картины, приносил их на уроки, разноси считая, что словами не объяснишь того, что надо видеть.

Я часто вспоминаю Степановского и всегда думал: мы были бы беднее, не будь таких вот энтузиастов, душой и делом преданных благороднейшим целям. Насколько важно своевременно поддерживать их морально, материально, организационно! В стране, если не ошибайся, более 300 народных картинных галерей. Все они созданы людьми, искренне любящими искусство. Их заботами обрешились собственные художественные коллекции художников «Кавказ» и «Кубань» Краснодарского края, союз «Воронеж» Московской области, село Воскресенское Башкирской автономной республики, село Дальково Липецкой области...

Конечно, все это хорошо, можно радоваться, что не скучает наша земля на подлинниках, ищающих восхитительную ленту в удовлетворение культурных запросов земляков. Но как же должно быть горько им, энтузиастам, когда случается так: поблагодарили их аллюзиями, подстригли на первых порах, пока «насытились» самолюбие — вот, мол, и у нас не хуже, чем у других, а потом... что скрывать, тех же народных картинных галерей немало и забыто. Помчали-помчали, «глоччики» поставили и пошли готовить новое мероприятие. Примерно на этот счет скопью уголовно, приведут лишь один, из Татарии. Несколько лет назад торжественно открывали такую галерею в колхозе «Зай» Лениногорского района. Казанские художники отправили туда много своих работ и, замечу, хороших. А вот где они сейчас? Умы, никто не знает. Неуважение не только к художникам, но и к самому идею.

Но только ли картины часто оказываются в забвении из-за нераспорядительности, равнодушия, пренебрежительного «объективного» признака? То и дело читаешь в местных и центральных газетах о том, что где-то музей несколько десятилетий не ремонтировался, ценившиеся памятники архитектуры бурьяном зарос, где-то не в меру рентивый хозяйствственный опять «на культуру» сэкономил. Все мы понимаем, какие издержки несем от этого, но трудно, ох, как трудно перестраиваться, а перестраиваться надо — XXVII съезд партии сказал об этом однозначно.

Как известно, Политбюро ЦК КПСС одобрило инициативу создания Советского фонда культуры. Несомненно, он может и должен взять на себя значительную часть забот о художниках, которые до сегодняшнего дня находились в разрывах. Задачи будущего фонда широки: собирание и бережение национальных ценностей, совершенствование методов культурно-просветительской работы, укрепление материальной базы учреждений культуры. На нынешнюю инициативу намечены большие программы строительства домов культуры, клубов, кинотеатров. Этих объектов будет введено вдвое больше, чем в предыдущий пятилетке. Там, вот, не подумать ли уже сейчас о том, чтобы расширить функции клубов, особенно на селе? Ведь привычно понимают клуб этот — зрительный зал да не сколько комнат для кружковой работы. Если предусматривать в них помещения для постоянных и передвижных выставок? И для собственного музея? Не знаю ни одного музея изобразительных искусств, в запасниках которого картины хранились бы меньше, чем выставлялись в залах. Ныне картины годами, если не десятилетиями, зрили не видят. Сельские выставочные залы при клубах и разгрузили бы эти запасники.

В перспективе же можно было бы наладить постоянный обмен между городскими и сельскими экспозициями.

Конечно, с организационной точки зрения тут, наверное, не все просто. Но, право, стоит подумать, стоит разгребнуть зачастую городские музеи в наших же общих интересах.

Что касается городских музеев, то здесь тоже не все в порядке. В любом крупном городе есть немало старинных, интересных с архитектурной точки зрения особняков.

Большому сожалению, часто они заняты обыкновенными конторами, а не учреждениями культуры. Казань гут поведе: здешний Музей изобразительных искусств занимает самый красивый особняк. Но и он тесен для старейшего в стране музея с богатейшими фондами. Ему нужен филиал, тем более что он готовится к радостному событию: ленинградский коллекционер, профессор А. Рамм передал сюда в дар свою коллекцию из 135 произведений, среди которых работы Шишкина, Поленова, К. Коровина, Юона, Грабаря, многих других известных русских и советских художников.

Как-то Казанская авиационная объединение им. С. П. Горбунова попросило меня написать картину для их музея. С огромным удовольствием работал над выполнением этого заказа. В связи с этим подумалось, почему бы мастерам исти не поработать для заводских музеев целенаправленно?

В конце прошлого года творческая интеллигенция Татарии выступила с интересной инициативой. Ведущие художники, литераторы, композиторы, актеры, разбившись на 25 творческих бригад, взяли долговременное, на пять лет, шефство над районами республики. Нельзя сказать, что раньше шефство не было. Но вот эффект его был явно недостаточен: четырехтысячный отряд творческой интеллигенции слабо влился на социальное и экономическое развитие села. Сельский житель во многом зависит от милости работников культуры, от их желания или нежелания выбраться из глубинки. В некоторых хозяйствах гадами не видели писателей и композиторов, художников, артистов театров и филармоний.

Первая поездка творческих бригад убедила, что дело это нужное и перспективное. Главное, люди на местах почувствовали серьезность намерений, увидели в нас не гастролеров-затейников, а друзей, помощников. Скажем, Мензелинский район. Он издавна славился мастерами игры на народных инструментах — кубызы, талыши, кураев, сарай. Да вот поступили их слава. Композитор Р. Бедилов задался целью вырастить новых мастеров. В колхозе им. Тухай вокруг него собираются те, кто так давно искал квалифицированной помощи.

Первая поездка творческих бригад убедила, что дело это нужное и перспективное. Главное, люди на местах почувствовали серьезность намерений, увидели в нас не гастролеров-затейников, а друзей, помощников. Скажем, Мензелинский район. Он издавна славился мастерами игры на народных инструментах — кубызы, талыши, кураев, сарай. Да вот поступили их слава. Композитор Р. Бедилов задался целью вырастить новых мастеров. В колхозе им. Тухай вокруг него собираются те, кто так давно искал квалифицированной помощи.

Сейчас главное не дать инициативе заглохнуть, подкрепить ее организаторской работой партийных комитетов, советских органов, хозяйственных руководителей.

В конце следующего года исполнится сто лет студенческой ходьбе в Казанском университете, участие в которой принимал молодой Володя Ульянов. За это, как известно, он был сослан в Конкушино. Идет активная подготовка к знаменательной дате: реставрируется актовый зал университета, большие работы ведутся в музее «Летающие крепости», называемая «Летающей крепостью», называемая ее старшим пилотом-командиром ласковым женским именем «Энгель Гей». Недолгий полет, и в 8.15 утра спасенная с борта «Летающей крепости» на японский город Хиросиму непрерывных размеров бомба исторгла из своего чрева огненно-черный гриб взрыва. В

Первый колымаж на строительстве усадьбы Архангельского союзного техникума Приморского района строители треста № 3 Главархитомстрой завели позапрошлой зимой. Холод не помешал коллективу набрать высокие темпы работы и досрочно сдать первые четыре дома в эксплуатацию. Эта традиция не нарушена и дальше. Социалистическими обязательствами коллектива управления намечалось достроить таких зданий ввести в действие к празднику Великого Октября. Но строители значи-

тельно сократили сроки. Не так давно Государственная комиссия приняла двадцать зданий. Так в племзаводе появилась новая улица.

- Новая улица со зданиями.
- Освещение улицы проводят электрики СМУ-3.
- В числе первых новоселов — семья Прокопий Ники Степановой.

Фото Ю. Кельдина.

ГОСТИ ИЗ ДИВНОГОРСКА

Пионеры установили прямо на песке, между строительными вагончиками, «Маэстро» взмазнула дикторской паночкой, и началась концерт...

За десет лет своего существования ансамбль народных музыкальных инструментов «Суевини» побывал на многих ударных комсомольских стройках. А началась биография самодельного коллектива в Дивногорске, где живут и трудаются артисты. Дикторы Сергей и Анатолий Барбакишвили работают на заводе низкоизолированной аппаратуры, барабанщик Евгений и Александр Горяловы — учащиеся техникума, гитарист Виктор Головин — инспектор ГАИ. Самому молодому члену коллектива 16 лет, старшему — 52.

Нынешний концерт на строительстве Астраханского газоперерабатывающего завода — пятый в биографии «Суевини».

С. РОМАНОВ.

АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ.

ОТКЛИКНУЛИСЬ ПЕРВЫМИ

Заключен договор о сотрудничестве между трудиниками Хабаровского края и коллегами из Ленинградской области. Встречи преподавателей и студентов Ленинградской государственной консерватории имени Римского-Корсакова.

Он стал ответом на обращение дальневосточников к заслуженным творческим коллективам страны, деятелям искусства развернувшим движение «Сибирь и Дальний Восток» — высокую культуру. Первым отклинулись ленинградцы.

Коллективы консерватории будут принимать участие в подготовке кадров для физкультуры, театров, учебных заведений, оказывать содействие в руководстве творческими коллективами. Начались подготовка к проведению в городах края «Недели Ленинградской консерватории», в которой примут участие солисты-исполнители, хор, оркестр, оперная студия этого ведущего музыкального учебного заведения страны.

Е. МАТВЕЕВА,

наш соб. корр.
Хабаровский край.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРОБЛЕМЫ

6 августа 1945...

1 августа 1975...

6 августа 1985...

Это три даты, это три точки в необыкновенном пространстве грозных, трагических и счастливых событий нашей современности, нашего бурного, тревожного XX века. Они навечно вошли в Историю, они оказались, оказываются и еще долго будут оказывать чрезвычайно глубокое, во многих отношениях определяющее влияние на мысли, чувства, устремления людей. На ход международных событий и политику страны. На саму атмосферу в мире.

Случилось так, что эти три даты, эти три дня из календаря История свела в тугой агустовской узел.

Дата первая — трагическая

6 августа 1945 года...

Здесь умереть позже — через год, два, неделю, через год.

Тремя днями ранее атомная бомба — новое, невиданное смертоносное оружие — уничтожила другой портовый город Японии — Нагасаки.

Так апофеозическим образом, массовым уничтожением десятков тысяч мирных горожан — женщин, детей, стариков — началась ядерная эра на Земле. Началась на американский лад, по империалистическому сценарию.

Свидетельствами множества

первые же выжившие него погибли 90.000 человек.

Многим десяткам тысяч предстоило умереть позже — через

год, два, неделю, через год.

Тремя днями позже атомная бомба — новое, невиданное смертоносное оружие — уничтожила другой портовый город Японии — Нагасаки.

Так апофеозическим образом, массовым уничтожением десятков тысяч мирных горожан — женщин, детей, стариков — началась ядерная эра на Земле. Началась на

американский лад, по империалистическому сценарию.

Свидетельствами множества

никогда не виденного в истории ядерного атомного взрыва.

Он кружило головы революционных политиков США, опровергавших представление об исключительном, монопольном владении этим страшным оружием. «Если эта штука взорвается — говорил, имея в виду атомную бомбу, Гарри Трумэн своим приближенным в полете из Вашингтона в Европу, на Потсдамскую конференцию, — у меня, наконец, будет дубинка для этих парней».

Кто же это? Кто же это — это значение изменить своему классу. Вот что говорил президент Джон Ф. Кеннеди в 1961 году: «Америка обладает людьми и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить национальную безопасность и выполнить свои обязательства перед всеми народами мира». Соединенные Штаты, в предвидении окончания войны и начала мирного периода запустили советских ракетоносителей, советский народ, утвердив таким образом гегемонистские амбиции американского империализма. В политику Вашингтона нача-

лась эра наглого атомного шантажа.

О, как кружило головы революционные политики США — это значение изменить своему классу. Вот что говорил президент Джон Ф. Кеннеди в 1961 году: «Америка обладает людьми и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить национальную безопасность и выполнить свои обязательства перед всеми народами мира». Соединенные Штаты, в предвидении окончания войны и начала мирного периода запустили советских ракетоносителей, советский народ, утвердив таким образом гегемонистские амбиции американского империализма. В политику Вашингтона нача-

лась эра наглого атомного шантажа.

О, как кружило головы революционные политики США — это значение изменить своему классу. Вот что говорил президент Джон Ф. Кеннеди в 1961 году: «Америка обладает людьми и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить национальную безопасность и выполнить свои обязательства перед всеми народами мира». Соединенные Штаты, в предвидении окончания войны и начала мирного периода запустили советских ракетоносителей, советский народ, утвердив таким образом гегемонистские амбиции американского империализма. В политику Вашингтона нача-

лась эра наглого атомного шантажа.

О, как кружило головы революционные политики США — это значение изменить своему классу. Вот что говорил президент Джон Ф. Кеннеди в 1961 году: «Америка обладает людьми и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить национальную безопасность и выполнить свои обязательства перед всеми народами мира». Соединенные Штаты, в предвидении окончания войны и начала мирного периода запустили советских ракетоносителей, советский народ, утвердив таким образом гегемонистские амбиции американского империализма. В политику Вашингтона нача-

лась эра наглого атомного шантажа.

О, как кружило головы революционные политики США — это значение изменить своему классу. Вот что говорил президент Джон Ф. Кеннеди в 1961 году: «Америка обладает людьми и материальными ресурсами для того, чтобы обеспечить национальную безопасность и выполнить свои обязательства перед всеми народами мира». Соединенные Штаты, в предвидении окончания войны и начала мирного периода запустили советских ракетоносителей, советский народ, утвердив таким образом гегемонистские амбиции американского империализма. В политику Вашингтона нача-

Это был откровенный, принципиальный разговор, важный прежде всего для самого театра, его творческой судьбы и, конечно, для актеров и режиссеров, для людей, облеченных административной властью и не имеющих такой, но любящей свой театральный дом. И в открытом этом разговоре началася страсть достигшая той силы, когда порой перед выступлением клауд таблетку под язык и потом мысленно продолжают свой монолог бесконной ночью — все ли сказано и так ли сказано!

Не раз приходилось бывать на партийных собраниях, на разных рода творческих встречах в театрах, киностудиях, но что-то не припоминается, когда бы маэстро музыке, народному артисту страны, лауреату высоких премий, профессору, члену авторитетных комитетов были высказаны в лицо такие слова, какие пришлоось услышать на открытом партийном собрании Евгению Рубеновичу Симонову, глашатому режиссеру академического Театра им. Евг. Вахтангова.

— Когда вам принесли театр, это было самым легким делом. Вы сказали, что если мы не будем привести его в рабочее состояние, то он сгинет. А сегодня самолет сидит на земле. Мы потеряем свою позицию в театральном мире, но не можем этого сделать и не хотим, на телевидении. Без современной драматургии театр не может жить, а Евгений Рубенович все время спорит с художниками, отставая плахин пьесы.

(Василий Ульянов, народный артист СССР).

— В репертуарной политике у нас каждый глядит в свою сторону. Я не понимаю устремления Е. Симонова и поэтическому театру. Может быть, я не разобралася в поэзии, но я не могу представить подлинные чувства поднимавшиеся позади пьесы. Мы уже не пущены в этот мир, на телевидение. Театр поддерживается институтом. Нам надо разобраться, что делать дальше.

(Михаил Ульянов, народный артист СССР).

— Все чаще и чаще высказываются наши согласия с Евгением Рубеновичем. Он не ставит на том, что мы отвергаем. За последние время мы выбираем плахин пьесы. Мы потеряли вкус и работу с актерами, у нас уходили актеры. Мы потеряли многое из прошлого репертуара...

(Александр Етуш, народный артист СССР).

Но пусть у читателя не содрогнется впечатление, что все следило к критике главного режиссера. Во многих выступлениях звучала мысль об острой необходимости сплотки труппы, о личной ответственности каждого коммуниста за марку театра, выдвигались идеи, предложения о совершенствовании творческого процесса. Высказывались и просьбы о помощи.

И все же разной полемики на этом собрании, что все следило к критике главного режиссера, и отдельных актеров было больше. И почти в каждом выступлении звучала тоска по интересной творческой работе, осуждение пресловутого прекрещения, когда актер любит не искусство, а себя в нем. В полемическом залпе замечалось, что труппа Г. Коновалова обвинила молодых актеров в потере патриотизма, в инфантилизме, в отрыве от старшего поколения и прочем.

А в «ответном слове» молодой актер М. Басков — по мнению самих вахтанговцев, человек талантливый, был, похоже, наизнанку разен и горяч. У нас, говорил он, в театре три поколения: старшее — «все умеещее и все имеющее». Среднее — не достигшее высот блестящих мастеров. И младшее — обманутое надеждами на круные роли, интересный репертуар. И начинать перестройку театра надо с молодежи, а с художественного руководства.

Начиналось собрание перед репетициями, когда оно вышло на привычные берега, привычно продолжалось его через два дня. Споры вспыхнули с новой силой.

Что же вызвало столь бурные споры, столь глубокие разногласия в труппе? Они были заданы в самой повестке для открытого партийного собрания «Обсуждение критических статей в центральной прессе о Театре имени Евг. Вахтангова». Здесь надо заметить, что состояние дел у вахтанговцев все больше беспокоило театральную общественность. Это пропало в частисти, в том, что в «Правде», «Известиях», «Советской культуре», некоторых других изданиях появились отрицательные суждения известных театральных критиков и об отдельных спектаклях вахтанговцев, и о творческом состоянии театра в целом. За последние годы в театре не появлялись ни новые интересные режиссеры, ни яркие молодые актеры. В то же время на других сценах блескуют выпускники базового Училища имени В. В. Щуккина. Из амбициозного списка патриархов базового Училища вышли актеры, которым хотя бы имени актера Н. Гундардовой, Е. Симоновой, режиссеров Г. Черняховского, В. Фоника.

Острую критику в печати вызывала постановка Е. Симонова «Енисейские встречи» (сценарий и исполнитель главной роли В. Шалеев). Отмечалось, что в работе над этим спектаклем постановщиками изменили не только вкус, но и чувство социальной зоркости. И никакая самая актуальная и благородная тема не может оправдать художественную слабость постановки.

Добились один только из отставки притягательных следов в книге, выставленной в фойе театра.

«Удивительный вахтанговский» Евгений Ульянов, потрясенный главным режиссером, с «Енисейскими встречами» для всех встремилася наше внимание — материнский, гендерно-драматический материал, неинтересные персонажи на фоне низменных плащаниц. Совершенно искаженные, пустые лирические сцены — все это недостойный театр. Но соответствует ли вахтанговским, ни художественным требованиям времени.

А. Леонтьева, социолог,

и. Колокольцева, главный техник.

Спектакль был сыгран со сцены самого театра...

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ

Как проходило и чем закончилось открытое партийное собрание в прославленном столичном театре

Если бы беда заключалась только в этом спектакле (нет мастера без права на неудачу!), то никто не стал бы говорить о творческом кризисе. Но «Енисейские встречи» стали последней каплей, переполнившей чашу актерского терпения. А в более широком смысле слова — последней каплей, вызвавшей бурную реакцию и самой труппы, и партийного бюро, и зрителей, явившихся выступлениям критиков в заседании. И первая реакция на них была далеко не однозначной, кое-кто усмотрел в этом чуткую заговор прессы против театра. Вот в какой обстановке началось открытое партийное собрание.

Всех, конечно, интересовало, как отнесется художественный руководитель труппы и суро- вая критика, понимает ли он всю сложность положения? Однако в тот момент Е. Симонов, похоже, не воспринял ситуацию всерьез. Он выступил первым. Его простральная речь — давно вышла за рамки — присутствующих не удовлетворила. Об уже известной нам постановке «Енисейские встречи» глашак высказался так: «Эта работа была необходимой в смысле учебной, педагогической подготовки молодежи. Это была проверка на возможность импровизации, и молодежь выдержала испытание... (А критики писали, что молодые артисты в этом спектакле «размыты и беспредметны, настолько острумы»). Или о театре: «Мы — театр единой школы, высокой морали и хорошего вкуса». И еще было много неуместной патетики.

Евгений Симонов имеет высокие звания, преподает в нескольких творческих вузах, да еще несет немало общественных труженик. Но никакой даже самой авторитетный мастер, самый признанный художник не может оставаться вне критики, иначе и ему грозят опасности, творческое уединение. Увы, в критике, выступлениях прессы, в учрежденческих культуры не переборются. Или боялся упомянуться в газете «Звезда»?

На собрании присутствовал министр культуры РСФСР тов. Мелентьев Ю. С.

— Вы хотите перемен? — обратился он к аудитории. — Но готовы ли вы к ним сегодня?

Министерство не называет театру никакого решения, говорит Ю. С. Мелентьев, но понимает необходимость серьезной перестройки творческого процесса, незамедлительного проведения эксперимента. Эти проблемы министерства и театру надо решать совместно.

Коммунисты не пришли конкретного решения и в этот раз и вновь собрались лишь через месяц. И на последнем собрании решение, деловое и короткое, было принято без всяких приложений: все знали, что министерство с учетом горячих, острых линий вспомогательных критиков, а также предложений труппы разработало конкретную программу перестройки. И коммунисты одобрили ее.

Почему мы так подробно рассказываем о собрании? Потому что весь его ход и события вокруг него показывают, как непросто утверждается новое в жизни театра, как порой мучительна ломка старой психологии, привычных стереотипов. Многие ведущие актеры говорили мне и с горечью, и с удовлетворением, что такое «очистительное» собрание еще каких-нибудь полтора года назад было бы попросту невозможным. Невозможно свою открытость, остроту, прямой разговором и друг с другом, и с главным режиссером, и с министром культуры.

Творческий спор в театре проходит постепенно. Критиканы, застывшие на позиции, неизменно годами. Ведь еще 12 лет назад критика замечала признаки творческого упадка. И противоречие между блестящей игрой отдельных актеров и общим слабым уровнем спектаклей, и нему хаотичностью репертуара, и бедностью драматургии, и слабостью режиссеров, и неудачами в подготовке молодой смены. Еще в 1974 году состоялся острый разговор на партийном собрании труппы разработало конкретную программу перестройки.

Или боялся упомянуться в газете «Звезда»?

Можно уверенно сказать, что собрание явилось показательным уроком и для самого коллектива вахтанговцев, и для сотрудников Министерства культуры РСФСР. В спорах, в столкновении мнений шел трудный поиск путей перестройки театрального процесса и методов партийной работы в творческом учреждении. Перестройка ведет касается и театра, и министерства, им вместе, в содружестве искать истину. Не будем забывать и о том, что театр не только храм искусства, но и государственное учреждение, а статистика их уже зачислила в счет.

Но что же все-таки решило предпринять министерство?

Можно уверенно сказать, что собрание явилось показательным уроком и для самого коллектива вахтанговцев, и для сотрудников Министерства культуры РСФСР. В спорах, в столкновении мнений шел трудный поиск путей перестройки театрального процесса и методов партийной работы в творческом учреждении. Перестройка ведет касается и театра, и министерства, им вместе, в содружестве искать истину. Не будем забывать и о том, что театр не только храм искусства, но и государственное учреждение, а статистика их уже зачислила в счет.

Партийное бюро не раз высказывало свою точку зрения, вопрос о мнении о режиссерах, и дирекции, отставали ее и на партийных собраниях, и на заседаниях художников, и в министерских кабинетах. Они критиковали и рецензировали политику главврача, и сложную симфонию пьес, для которых были выбраны пьесы из различных труппах. Такие мастера способны вынести на суд коммюнике, письмо главного режиссера и пр. Составлено было все члены партийного бюро единодушно выразили протест против предложенной Е. Симоновым пьесы. Она написана известным драматургом, многие вещи которого идут с успехом во всей стране. Но избранная для постановки пьеса, по мнению партийного бюро, оказалась неудачной. Тогда главврач, чтобы не испортить отношения с драматургом, предложил поставить другую пьесу этого автора, написанную... много лет назад. Но ее ситуация, главный конфликт оказались не сопущены времени, и она также была отвергнута. Тогда коммунисты выдержали принципиальную линию до конца.

Члены партийного бюро не раз высказывали свою точку зрения, вопрос о мнении о режиссерах, и дирекции, отставали ее и на партийных собраниях, и на заседаниях художников, и в министерских кабинетах. Они критиковали и рецензировали политику главврача, и сложную симфонию пьес, для которых были выбраны пьесы из различных труппах. Такие мастера способны вынести на суд коммюнике, письмо главного режиссера и пр. Составлено было все члены партийного бюро единодушно выразили протест против предложенной Е. Симоновым пьесы. Она написана известным драматургом, многие вещи которого идут с успехом во всей стране. Но избранная для постановки пьеса, по мнению партийного бюро, оказалась неудачной. Тогда главврач, чтобы не испортить отношения с драматургом, предложил поставить другую пьесу этого автора, написанную... много лет назад. Но ее ситуация, главный конфликт оказались не сопущены времени, и она также была отвергнута. Тогда коммунисты выдержали принципиальную линию до конца.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Уважаемые вахтанговцы говорили мне с пониманием и доброжелательностью: «Нам, театр и министерству, еще надо идти на авансцену».

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

Сегодня в театре тайным голосованием избрали художников, в который вошли авторитетные мастера искусств.

С

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

ФОТОКОНКУРС

Ю. ШЕУРИН. «Свадьба на пироге».

УРОКИ ГЕРАСИМОВА

Правда, которую Герасимов неизменно провозглашал как непременное и главное достоинство искусства, никогда не превращалась в застывшие стереотипы: достоверность фактов соединялась в ней с достоверностью движущихся чувств — художника и зрителя.

В РЕЧАХ и статьях Сергея Аполлониановича на Герасимова часто вспоминались мысли-эпифоры: об изображении «непрограммированной жизни», о «диалектической единице образа», об «интенсификации души...». Обычно каждым из них приобретала относительную устойчивость, потом на смену ей приходила другая. Но смисловое не забывалось, дополняло другую, стоявшую в одном ряду — утверждавшую правду в искусстве без ограничивающих ее прилагательных, достоверность в большом масштабе, образуя «герасимовский сектор» в общественном ареале советского кино.

Когда в студенческие годы мы смотрели «Семь смертей», «Комсомольск», «Учителя», они вдохновляли наше воображение на новые художественные герои: не перенасыщены фактами жизни. Геникес с легкостью романтизировал видения первооткрывателей социализма, в это глубоко отвечал «настроением» интимного, весеннего, самоотверженного поколения комсомольцев тридцатых годов, которому вскоре предстояло пойти на тяжелую войну.

Война сделала искусство Герасимова более суровым — это проявилось в «Небесдамах» и «Большой земле». Новые качества обретают сию в «Молодой гвардии»: сканда в спектакле Театра-студии киноактера, в поток и на экране мы видели произведение, в котором были романтика соединилась с суворостью кинематографической пробы.

Для многих из нас, в ту пору с кино не связанных, «Молодая гвардия» открыла Герасимова-педагога. Ведь не было ничего случайного в том, что именно из «Молодой гвардии» вышли Н. Мордюкова, И. Макарова, Л. Шагалова, С. Бондарчука, В. Тихонова, С. Гуро, другие, может, не столь знаменитые потом актеры, но во всяком случае весьма заметные профессионалы достаточно высокого уровня: становился ясно, что они выучились хорошей школы.

Как художник Герасимов был всегда верен себе, но никогда не повторялся: «Маскарад», «Тихий Дон», «Люди и звери», «Курильщик», «У спира», «Любить человека», «Дочь матера», «Красное и черное», диалоги с молодежью Петра, «Лев Толстой» — в каждом свой художественный мир, отражавший актуальность советского поиска.

Естественно, что фильмы, посвященные актуальным темам современности, дают в этом смысле особенно наглый материал для размышлений. Но в исторических — тоже история, считал Герасимов, непременно должна входить в духовный и нравственный мир современника.

Когда он начал работать над фильмом о Петре, многие сомневались: в то ли он делает, не останется ли это новая лента в тени знаменитого фильма В. Петрова «Петр Первый»? Режиссер опроверг сомнения сочинившихся. Романтизованные герои исторических фильмов прошлого, которые в основном со-представлялись на военных подвигах и других воинственных действиях своих пробразов, здесь противостоят человеку сильный, но сломленный, противоречивый; беспилотности момента — диалектика неординарного, очень своеобразного характера германскому мифу — реальности.

Осткро современен и последний фильм Герасимова «Лев Толстой». И не только тем, что раскрытым внутренним драмой Толстого углубляет нашу понимание его личности: через бесконечную мысль великого писателя-мыслителя обращается каждого из нас в том направлении современной жизни, против которых восстает наша гражданская и человеческая совесть.

О делах кинематографических Герасимов всегда судил серьезно и строго, склоняясь критически к явлениям кино с общими проблемами искусства и социальной жизни.

Мне довелось, помимо «частнических» обращений в книгах и тем или иным фильмам Герасимова, трижды специально писать о новых его работах — «У спира», диалогах о Петре и «Лев Толстой». И если те тонкости художественных решений, которые были особо дороги режиссеру, замечались рецензентами, а потом и зрителям, это становилось для Сергея Аполлониановича праздником душевы. Немноголюдное благородство не означало безразличного отношения к критике (понимо, как сердито, с каким оторванием говорил он о недостаточном внимание критиков и «Тихому Дону»).

Сам человек горячий, ярко выраженный. Герасимов не раз возвращался к мысли: кинематографист, не способный удивляться, удивлять — не может стать истинным художником — надо пульсировать в молодых умениях удивляться, показывать и рассказывать им необычное, чтобы они не знают, ради проглатывать через кору разнодумий, которых, увы, успела покрыть мозговая молодые умы.

О разнодумии Герасимов говорил часто. И всегда с особой горечью. Человек, склонный к рациональным объяснениям любого феномена (не и рационализму, а к рациональным объяснениям, не исключаями эмоций). Сколько же времени, с самого конца драмы «Государственного Эрмитажа», он оставил поместие громадное, в котором многое из созданного мастером на протяжении долгих лет обрело значение классики.

Скажем, лирический пейзаж, называемый «В саду Русского музея», — пронизанный светом, наполненный удивительным чувством величия пробуждения именно городской, дружной, акустической природы — может быть, этот лист вспоминает первым из сделанного Вереским. А может быть, один из многих замечательных портретов деятелей отечественной культуры: портрет ли художника Лансере, архитектора Руднева, дирижера Мравинского, писателя Пришвина, балерины Улановой. Может быть, из серии портретов прославленных советских детчиков вспоминается работа, а может, одна из выразительных, острых, рисунков силуэтов двадцатых годов... Чем влечет в себе творчество Георгия Вереского и теперь, когда, казалось бы, так изменилась стилистика графики? Пожалуй, простота. Той обманчивой, доверительно принимаемой непосвященным простотой, где словно и не остается места сомнению в «беготь» юсти иллюстрации или карандаша, где труд художника представляется лицом снайперской точной фиксации увиденных мгновений.

Впрочем, тайны творчества

— «хуки» профессионала.

А у зрителя искусство

Вереского — непосредственный, свежий взгляд...

Вот деревья какие затейливые, вот день прозрачный какой... А художник — он просто передал все это, сумев выразить в черно-белом рисунке всю многоцветность палитры природы, не забыв

чали по поводу прессы, нет-нет да и выступавшей с критикой каких-то явления в кино. Сергей Аполлонианович обещал себе, твердо обещал не поддаваться под общий тон самодовольства, действовать по совести, на компромиссы не идти.

Когда он говорил все это, глаза у него были алые, колющие. Потом, через много месяцев, я вспомнил этот разговор при просмотре фильма «Лев Толстой»: как ему понравятся там эти алые, колющие, с оттенком страдания глаза, эти сердитые, гневные юноши. Многое из того, что выплыло на экран в фильме, Сергей Аполлонианович годами носил в себе. Накануне. Кинематографическая жизнь помогала тому, что находит в себе.

Процесс преодоления инициальных самоуспокоенности, самодовольства получил новые импульсы в материалах антирецесии (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Радуясь этим материалам, душой приложив их суть, Герасимов предостерег от иллюзорных расчетов на игнорирование

также как и на игнорирование «Чайки» Г. Вереского.

Т. РЫХЛОВА.

• Г. ВЕРЕСКИЙ. «Курьезный поезд».

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

«ЧАЙКА» И ДРУГИЕ

НА СПЕКТАКЛЯХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

бу, об ответственности не родителей только, но и детей, которые становятся взрослыми.

Но — увы — время неумолимо. Подобный спектакль диспут — нужный, просто необходимый для младежного театра — должен быть погружен в сиюминутный контекст жизни сиюминутной. Остается в нем каких-то следы, эти однодневки; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Георгия Вереского.

Да, времена меняют стилистику.

Остается в искусстве то, что распознается в нем как глубинный слой. В каких-то случаях простота не кажущаяся — просто художественная, эта однодневка; в них — форма развлечения, сложного осмысливания жизни, а иначе говоря — форма художественной связи художника с последующими поколениями. Именно так связаны с нами графика Геор

Это теперь можно со всей определенностью сказать: им повезло! Повезло учителю, приехавшему сюда, повезло и ребятам...

Живет в деревне учитель

А началось с того, что учили в школе: Подергали собрали фольклор, и счастлив, когда приносят ему наизвестную письмо, посыпают, поговори. Чтобы сделать ему приятное, пошли передать мальчишки и девочки: «А моя бабушка так вот говорит, «А у моей присловье есть любимица...». Учителя благодарили, расспрашивали, и было в подобных разговорах неизвестное наставление и зоркости, и умению слышать и понимать, сколько красоты и в редком, забывчивом слове, и в старинной оконице, и в каком-нибудь изъяне от внешности кое-как, сработанном, давним-давно сельским умельцем.

Верно, сумел он хорошо обяснить, чем все это дорого, если не по принуждению, с охой то толкался вокруг педагога ребята. И каждый сочтешь удивлен своей находкой. Надо сказать, многое из собранных школьниками заняло достойное место в народном музее, в разделе «Этнография края».

Но то лишил первый шаг. Канто креативе вместе с наставником пригласили в гости Акулину Андреевну Сапову — слыла она певицей, певицей, что и как пели в местных деревнях в старые времена. Попросили: «Слойте нам, Ня, откажете?»

Помолчали, и наконец, «эз» хотелись самим перенять: получится ли «нет», — сказала Акулина Андреевна: «без нас, без стариков, не получится. Со- берите нас, как когда-то не посредники, тем-то мы вам всю свою музыку и передадим».

— А почему бы нет? — речиши педагоги и ребята. Вот и возник фольклорный хор из жителей села. Для него искали школьников старинные настенные, шикали их по отпечаткам бабушки. И устроили посиделки.

Хор быстро завоевал популярность. Его пение, заинтересовались специалисты из Москвы, пригласили на фестиваль народного творчества. И, верно, стояли они на пьедестале, если записали его на пластинку, которую теперь бережется вдова ли в каждом доме.

Вообще в Белгороде, замеч-

Я И МЫ

- «Она мешает нам работать!»
- «Дайте жалобную книгу...»
- Главный экзамен

Расскажем одну историю, конечно же, потокую на детектив.

В пасмурный осенний день студент Горьковской консерватории имени М. И. Глинки Николай Стеблев получил на официальном бланке письмо от такого содержания: «Областная прокуратура, г. Горький. Гр. Стеблев Н. П. Вам необходимо явиться 25 сентября 1985 года в ком. № 910 к следователю Приволжью по насущающему вас вопросу. Прокурор Горячев». По замыслу автора этого письма, реакция Стебleva на это приглашение не должна была иметь ничего общего ни с потерей аппетита, ни с бессонницей. Ведь даже по фамилии (они имена напоминали фамилии предавателей) Стеблев сразу должен был понять, что это разыгрывалось.

Однако человек не понял и развелся. А через пару дней ему вручили еще и «Копию обвинительного заключения». Заметим, его стилистика была просто абсурдна: в дата в нем фигурировала такая: год 1899-й. «Подследственный» по-прежнему все воспринимал ее всерьез.

Наконец, его пожалели. Однокашница Елена Кутынина сказала: «Это же шутка, Коля!» — «Ну и шутки у вас...» — только и ответил, забрасывая «материалы дела» куда-то далеко.

А теперь забудем эту историю. Ведь забыл же ее Николай Стеблев. Он, мужчина, поступил благородно в отношении главного директора этого «концерта» Елены Кутыгиной.

Расскажем еще одну историю. Место событий — областные Горьковской консерватории. Время — март сего года. После рейдовой проверки комиссия студсовета выяснила небольшое, но красочное объявление такого примерно содержания: «Позор! Позор! Позор! 9 этап... Зблок!». Час спустя на этом же месте появляется новое объявление (на редкость убедительно стилизованные под первое) несколько иного содержания: «Ура! Ура! Ура!...» — и дальше диффрамп по поводу чистоты и порядка в залах участников редакторской проверки.

Утром следующего после «Молчани» дня на стол ректора консерватории А. Нестерова лежит такой документ:

«Доказанный. Просим рассмотреть дело Кутыгиной Елены, избранной вице-спикером общесоюза студентов и аспирантов. Дело в том, что Кутынина Е. снялась в «молчани», вымешанных после обхода студенческого совета. Ее включение в состав комиссии было сделано Стеблевым Н. Кутынина Е. присыпал (?) на его имя сомнительным по содержанию письма, присланые якобы из РОВД (?) и прокуратуры. В письме ректора просит рассмотреть подозрение Кутыгиной в преступлении административного воздействия (меры комсомольского воздействия) на членов комсомольского подполья — членов ВЛКСМ». И две подписи: Н. Сергеевская и Е. Кутынина. А. Нестеров — председатель студсовета.

А через несколько дней...

«Выписано из приказа по Горьковской государственной консерватории им. М. И. Глинки: студенты курса факультета народных инструментов Кутынина Е. К. — виновны в совершении грубого нарушения правил распорядка обитания в консерватории исключены. Основание: доказанный запрет комсомольской деятельности ВЛКСМ и студсовета общесоюза студентов и аспирантов».

На наш вопрос: «Николай, что это вы вспомнили об «обвинительном заключении спустя полгода?» — Стеблев ответил: «Не вспомнил я. Вспомнил Роменова».

— А почему вы написали «доказанную реальность, не обсудив предварительно происшествие с «молчаними» на студсовете?» — И. Роменова ответила: «Не было времени специально собираться,

и я написала письмо Елене Кутыгиной.

И. ДИМОВА, И. СВИСТУНОВ, кандидаты педагогических наук.

БЕЛГОРОД.

Оставайтесь чистыми, чистые пруды!

Что значит быть москвичом? Конечно, это высокое звание. Но как же трудно его «примерить» на себя! Я москвичка в третьем поколении, сейчас законченную школу, в которой училась с первого по десятый класс.

Когда-то в нашей 152-й общеобразовательной школе и мой отец был может, поэтому школа особо дорога нам обоим...

Вроде бы только вчера прощалась последний для меня школьный звонок. Трудно расставаться со школой, с которой связана по существу вся жизнь. Скромное это здание сегодня для меня — средоточие всего самого лучшего в нашем прекрасном городе. Здесь я нашла товарищей и друзей — и среди старших, и среди ровесников.

Только не дает мне покоя одна мысль: почему получилось так, что не спасли наш класс крепкой дружбой? Да, конечно, в нем есть отличные ребята, есть заводчики, актеры. Но остальные — все время в стороне, группами или поодиночке. Почему так? Или многое в наших отношениях наносного, мало настоящего, высокого, романтического — того, что пытаю старшеклассников тех тридцатых годов?

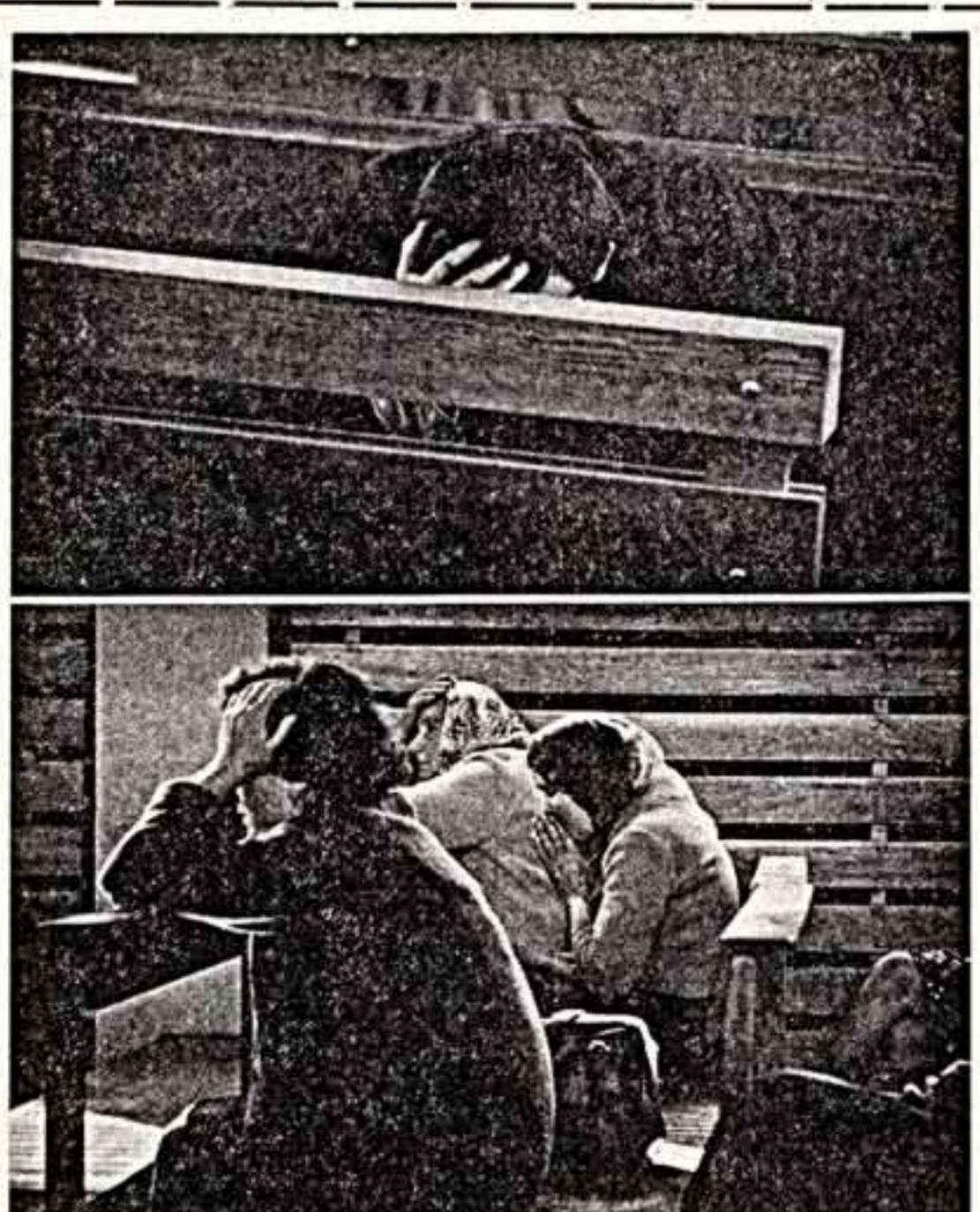
О наших предшественниках, выпускниках школы прошлого года, учителя говорят: прекрасный класс был, дружный, сплоченный. И обидные, но справедливые слова, мы и сами это понимаем! Правда есть правда. Но почему же так сложилось? Кстати, большинство из прошлогодних выпускников и сейчас не теряет связи с родной школой, многие пришли сюда из других школ, и даже, когда проезжали уже наш последний звонок. А мы! Придем ли все? Не знаю, как сложатся наши судьбы в дальнейшем, хотя надеюсь, все мы выйдем на превышенные дороги в жизни. А вот разъединенность приведет уже сейчас.

И свою вину вину — была два года комсомором в классе, в интересном в его жизни было мало. Да, иногда ходили вместе в театр, видели в Ясную Поляну, несколько раз бывали на выставках. Но вот недавно моя близкая родственница (она живет не в Москве) стала рассказывать, была ли в там-то и там-то. Примлось признаваться — нет. «Мы издалека сюда приезжали, на экскурсию, и то получается, лучше знаем столицу, чем мы, москвичи. Что тут возвращаешь, свой город знаем плохо, в иных районах не были вовсе. Не знаем, где находятся многие памятники, музеи, даже театры!»

Но хочу винить учителей, школу, родителей — понимаю, что такие знания из-под пальки не привобретают, но все же... Вот, например, не испомнили ни одного интересного общего разговора, урока, посвященного городу, в котором живем. А уж кому-кому, в нем, молодым москвичам, такие знания, хотя бы в ремах фокусативы, ох как необходимы. И не просто для какого-то специалеса историков или искусствоведов — для всех школ Мордки начиняется с семьи, двора, школы, села или города. Это истиня. И патротизм начиняется со знания и любви к своему городу. Тут «склонной любви, не подкрепленной знаниями, не получится, признания в любви останутся лишь слова». И жаль, что нет экзамена, конкурса на звание «Благородного города».

...Снова и снова беру с полки книгу, названную Юрием Нагибины «Чистые пруды». Как много вмещает в себя этот образ! Они и наше время — при надлежат, эти поэтические места, вписаны в славную историю города. И наивно поклонению. Глубже бы понимать надо это, больше знать, стараться быть достойными этих мест и этой истории.

Екатерина ГОРБАЧЕВА, выпускница школы № 152. МОСКВА.

● А. ГАРАНИН. «Суд идет». (Подсудимый. Горе матери).

Шестидесятка Таня стояла за дверью просмотровой комиссии и тихонько всхлипывала. Как тут не расстроиться! ее, как, впрочем, и многих других ребяташек, не зачислили в детский хореографический ансамбль «Топотушки» дворца культуры «Прометей» — не прошли конкурсных испытаний, предложенных властными педагогами.

Конкурс был и вправду большой. У девочек, например, более десяти человек на место. Огромное желание ребяташек заниматься хореографией вполне объяснимо. Они познают не только искусство танца. И осанки управляются, и отрабатывают-

ся координация движений, и дети, как правило, реже болеют.

Алеша Снегирю из 635-й московской школы понравился. Его и в «Топотушки» приняли. Не просто приняли. Зачислили сразу в младшую возрастную группу, минуя начальную, или, как ее еще называют, подготовительную.

— С левой ноги шагом марши, — раздалась громкая команда. И поплыла по классу синевеселый, задорный марш Дунинского из кинофильма

«Дети капитана Гранта». Одна мелодия сменила другую.

— А ансамбль «Топотушки» организован в семидесятых послевоенных годах — рассказывает его художественный руководитель Г. Лычевская, — с момента открытия дворца «Прометей». Под руководством опытных педагогов здесь занимаются более трехсот ребятшек разного возраста. Есть у нас дошкольники, школники, учащиеся средних учебных заведений. Критерий отбора —

Так поговорили все с ним. Это все запротоколировано. Правда, протоколы в виде блоков из членов студсовета уехали из Банка, видимо, в Москву на выставку.

На них вопрос: «В чем вы видите основной промах поступка Кутыминой?» — секретарь комитета ВЛКСМ Н. Сергеевская отвечает: «Для нас это — это работа. Вы представляете, что будет, если каждый начнет вымещивать на стенах в общежитии своим плакатом?»

Стремительно, по личному ходатайству нескольких человек в полной гараже даже от группы, в которой училась домохозяйка Кутымина, так запросто решалась судьба будущего музыканта. Не собрался студсовет (в этом так легко убедиться, поговорив с его членами, несмотря на то, что один из них почему-то решил показать документацию студсовета в летнем Банке), не обсудили ситуацию однокурсники. Человеческую судьбу решила одна-единственная лодка докладная и своеобразное представление И. Роженковой и Н. Сергеевской о принципах студенческого самоуправления и Уставе ВЛКСМ.

Скорько же подобных писем все еще летят по адресам серьезных инстанций и редакциям центральных газет! К счастью, редко мечтается в них «громы» и «молнии», подобные тем, что ворвались в похоронку Горьковской консерватории. Но суть этих писем одна: администрация вынуждена была отозвать из консерватории Стеблеву.

Однако человек не понял и развелся. А через пару дней ему вручили еще и «Копию обвинительного заключения». Заметим, его стилистика была просто абсурдна: в дата в нем фигурировала такая: год 1899-й. «Подследственный» по-прежнему все воспринимал ее всерьез.

Наконец, его пожалели. Однокашница Елена Кутынина сказала: «Это же шутка, Коля!» — «Ну и шутки у вас...» — только и ответил, забрасывая «материалы дела» куда-то далеко.

А теперь забудем эту историю. Ведь забыл же ее Николай Стеблев. Он, мужчина, поступил благородно в отношении главного директора этого «концерта» Елены Кутыгиной.

Расскажем еще одну историю. Место событий — областные Горьковской консерватории. Время — март сего года. После рейдовой проверки комиссия студсовета выяснила небольшое, но красочное объявление такого примерно содержания: «Позор! Позор! Позор! 9 этап... Зблок!». Час спустя на этом же месте появляется новое объявление (на редкость убедительно стилизованные под первое) несколько иного содержания: «Ура! Ура! Ура!...» — и дальше диффрамп по поводу чистоты и порядка в залах участников редакторской проверки.

Утром следующего после «Молчани» дня на стол ректора консерватории А. Нестерова лежит такой документ:

«Доказанный. Просим рассмотреть дело Кутыгиной Елены, избранной вице-спикером общесоюза студентов и аспирантов. Дело в том, что Кутынина Е. снялась в «молчани», вымешанных после обхода студенческого совета. Ее включение в состав комиссии было сделано Стеблевым Н. Кутынина Е. присыпал (?) на его имя сомнительным по содержанию письма, присланые якобы из РОВД (?) и прокуратуры. В письме ректора просит рассмотреть подозрение Кутыгиной в преступлении административного воздействия (меры комсомольского подполья — членов ВЛКСМ). И две подписи: Н. Сергеевская и Е. Кутынина. А. Нестеров — председатель студсовета.

А через несколько дней...

«Выписано из приказа по Горьковской государственной консерватории им. М. И. Глинки: студенты курса факультета народных инструментов Кутынина Е. К. — виновны в совершении грубого нарушения правил распорядка обитания в консерватории исключены. Основание: доказанный запрет комсомольской деятельности ВЛКСМ и студсовета общесоюза студентов и аспирантов».

На наш вопрос: «Николай, что это вы вспомнили об «обвинительном заключении спустя полгода?» — Стеблев ответил: «Не вспомнил я. Вспомнил Роменова».

— А почему вы написали «доказанную реальность, не обсудив предварительно происшествие с «молчаними» на студсовете?» — И. Роменова ответила: «Не было времени специально собираться,

и я написала письмо Елене Кутыгиной.

И. ДИМОВА, И. СВИСТУНОВ, кандидаты педагогических наук.

БЕЛГОРОД.

ТОПОТУШКИ

Со своими домашними вознамерился проводить родственниками в Воронеже. Задолго до приезда приобрел три билета. Потом ситуация изменилась: приехала моя жена. 2 мая я еду на Казанский вокзал сдавать билет. Зменяющиеся в обиходах возвраты «хвосты» смущали. Пристроился к одному из них. Минут через пятнадцать вынырнул, что потопился. Вначале следил в соседнее окно: испросить разрешение у демурного администратора, а туда же толпились люди.

Долго ли, коротко ли — очутился у цели. Пожилая полная блондинка-администратор, повернувшись к изумленным пассажирам: «Сидите, пожалуйста!»

— Сидите! — Положил благословение, повеселевший вернулся в свою очередь. Спустя час с небольшим просовывалась в окно, подняв билет. Кассирша с непроницаемым лицом легонько, отработанным движением бросает его обратно:</

